

ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ СУДЬБЫ

В статье автор показывает, что в опыте феноменологической редукции абстрагирование бытия возможно только в контексте личностной визуализации предметного мира субъектом. С точки зрения мира вещей абстракция бытия выступает в роли мистифицированного средового контекста или умозрительной видимости, судьба же конкретна и реальна в той же степени, в которой конкретен мир феноменов. Данный принцип становится основанием персонификации судьбы.

Ключевые слова: судьба, предметный мир, идеальное, сознание, реальность, эталон, смысл, персонификация.

Ж.-П. Сартр, определяя сущность феноменального мира, утверждал: «Видимость отсылает к целому ряду своих проявлений, а не к скрытой реальности, которая вбирала бы в себя все бытие сущего. И видимость, со своей стороны, не есть лишенное основы обнаружение этого бытия. Доколе можно было верить в ноуменальные реальности, видимость считали чистой отрицательностью. Она была тем, что не есть бытие; у нее не было иного бытия, кроме бытия иллюзии и ошибки» [1, с. 20]. Таким образом, совокупность объектов вне их целостного осмысления существует лишь в качестве социоморфной «субстанции». Осмысленное субстанциальное бытие отсылает к более четкому определению средового контекста в ноуменальной парадигме, детерминирующему возможности интерпретации предметного мира как судьбы. Постулирование судьбы выносит отношения субъекта к предметному миру в надэмпирическую, надситуационную сферу. В то же время истолкование судьбы постулирует имманентную реальность вещного мира в отличие от трансцендированной модели его бытия. Смысл предметности и ее отношения к субъекту определяется только в системе знаковых координат истолкования судьбы.

Вопрос о том, почему вещь вне контекста с целостностью предметного мира обесмысливается, М. Мерло-Понти решает следующим образом: «В первую очередь вещь имеет свой размер и свою собственную форму, определяющиеся в соответствии с особенностями перспективы и являющиеся только кажимыми. Мы не приписываем эти кажимости объекту, они представляют собой случайное в наших связях с ними и не имеют отношения к нему самому» [2, с. 384]. В данном случае восприятия смысла конкретной вещи не возникает, она стихийно и не-

произвольно оторвана от реальности субъектом, благодаря чему доминирует ее неподлинность и ирреальность, обусловленная субъектом восприятия.

Факт судьбы постулирован там, где возникает рефлексия не на вещь, а на процесс восприятия вещи. Отслеженная и отмеченная иллюзорность в восприятии вещи – есть шаг к пониманию необходимости выстраивания целостной конструкции между разрозненной вещьностью мира, соотносящейся с предметностью бытия. Посредством осмысления факта кажимости, иллюзорность восприятия становится снятой, ее место занимает найденный смысл. «Проследив логику объективного размера и форм, мы увидели бы, ... что она ведет к полаганию мира как строго связанной системы, что мы никогда не замкнуты в кажимости, что один объект может являться полностью» [2, с. 387]. Этим единым объектом становится синтез системы предметности в результате конституирования судьбы, порождающей не только уникальный, но и универсальный смысл. Поэтому роль интерпретации судьбы как целого и его взаимосвязанных частей, является стержневой темой для процесса понимания смысловой связи между субъектом и объектом.

Осмысленная субъектом «кажимость» уже «не противопоставляется бытию, но, напротив, есть его мера, ибо бытие сущего и есть как раз то, чем оно показывается» [1, с. 20-21]. Критерием бытия и генезисом его смысла в данном случае является субъект, относительно восприятия которого выстраивается мерное взаимоотношение конкретного и абстрактного, реального и ирреального, воспринятого, усвоенного, осмысленного и не тождественного этому. То есть «кажимость» всегда «по своей природе предполагает кого-то, кому она показывается» [1, с. 21]. Кажу-

щее бытие существует только относительно субъекта данного бытия, интерпретация судьбы, однако, отрицает подобную зависимость.

Процесс смыслообразования в отношении к субъективному аспекту бытия производится в духе кантовского априоризма. В то же время субъект постулирует смысл в его абстрактном значении, а находящийся в промежутке между субъектом и вещью смысл взаимообусловленности служит реальностью сознания, в которой происходит творческое слияние – уподобление субъекта объекту в процессе познания и объекта субъекту в процессе его активного преобразования. В данном случае смысл определяет статическую основу бытия вещи, ее укорененность в соответствующем контексте. Интерпретация судьбы определяет смыслообразующий контекст, его реальные фактические характеристики, а также служит смыслом динамического взаимодействия между субъектом и предметным миром.

Судьба конкретной вещи обусловлена ее метафизической основой или смыслом, детерминирующим развитие и структуру вещи в пределах ее уникальной реализации. Смысл – это матрица судьбы, основа кодификации многообразного информационного пространства, интегрирующего совокупность вещей, а также их уникальное и универсальное соотношение.

К.Н. Любутин и Д.В. Пивоваров определяют объективные предпосылки смысла, которые неким определенным образом воздействуют на сознание субъекта и в отношении к которым возникает рефлексивное реагирование. Ссылаясь на концепции Д.И. Дубровского, Э.В. Ильенкова, М.А. Лифшица и А.Ф. Лосева, они определяют, что «в природе существуют совершенные и несовершенные вещи, относящиеся к одному и тому же роду. Какой-то элемент множества объективно вбирает в себя главные характеристики самого множества в большей степени, чем его иные элементы. Поэтому он может служить хорошим репрезентатором рода (целого общего) по отношению к человеку, и, действуя только с ним, субъект как бы сразу отражает весь стоящий за данным эталоном класс вещей» [3, с. 240-241].

Внутренняя логика субъекта взаимодействует в объекте с тем, что посредством мысли «указывает» на возникающее взаимоотношение. Следуя по пути данной логической конст-

рукции, можно определить аналогию отношения между субъектом и вещью, которые характеризуют феномен судьбы. «Именно такие эталоны ищет человек, превращая их в орудия труда, измерительные инструменты, эстетические предметы... Без открытия совершенных вещей не могло бы сформироваться мышление человека» [3, с. 241]. Эталонная вещь в качестве обусловленной смыслом реальности не является значимой сама по себе. Ее смысл оценивается субъектом в качестве знака, символа или события в процессе спонтанной рефлексии, указывающей на наличие аксиологических детерминант.

Эталоны совершенных вещей являются ступенями формообразования системы отношений: от вещи – к ее универсальному смыслу, от объекта – к субъекту, от статической визуализации – к динамическому преобразованию. Самый совершенный эталон качества человека будет представлен его чистым персонологическим качеством или фаталистически обусловленным наличием объективированного субъекта.

Интерпретация судьбы в процессе ее логического постулирования от частного к общему складывается в том же самом смысле, в котором он был истолкован в предельной абстракции бытия. Соответственно интерпретация судьбы адекватно отражает характеристики определенной части объективной реальности не только в ноуменальном, но и в онтологическом смысле.

Можно определить, что интерпретация судьбы сама порождает себя в природе вещей, двигаясь посредством укрупнения к предельному эталону. Такой предельный эталон как «универсальный миропорядок», нисходя посредством смысла в конкретно-предметное бытие, имеет уже другую направленность относительно субъекта и объекта. Теперь смысл опредмечивает реальность ноуменально. Человек и его сознание, наделившее вещь определенными свойствами, определяют и предметно-конкретное отношение к бытию вещи. В данном срезе бытие судьбы рассматривается онтологической основой целесообразности производимых субъектом преобразований, а также универсальной силой, определяющей реализацию универсального миропорядка в пространстве и времени.

Интеграция вертикального движения нисхождения условий универсального миропорядка с горизонтальным, линейным принципом развития формирует определенную точку, ко-

тору можно условно назвать чистой идеей вещи, характеризующей ее символический, знаковый или эталонный аспект. Это абстрагированный эталон, который, наполняясь в процессе взаимодействия субъекта с вещью атрибутивными характеристиками вещи посредством ее априорной координации с эталоном, гносеологически видоизменяется. Вещь как всеобщая целостность наполняется новым понятием, характеризующим ее отношение к антропоморфному бытию. В процессе отчуждения от субъективированной зависимости вещь онтологически укореняется в контекст интерпретации судьбы, отражающей как субъективные, так и объективные характеристики ее эталонного состояния.

Судьба как эталонное состояние определенного порядка предметного бытия, структурирующего вещное бытие, определяется в процессе его приобщения к абсолютному миропорядку. Исходя из нахождения точки координации смыслов, можно определить, что возможность истолкования судьбы в отношении к общему миропорядку пронизывает все существующее и является не только метафизической конструкцией, но и опредмеченной субъектом, а также присвоенной им – объективной реальностью. Опредмечивание объективной реальности посредством интерпретации судьбы начинается с вербализации творческого персонифицированного образа, в той или иной степени адекватного реальному, объективированному первопринципу бытия.

Персонификация образа судьбы, очевидно, структурирована посредством мифологизированных эпистемологических постулатов. Но миф в качестве глобализированной парадигмы в абсолютизированной субъективации доминирует как эталон систематизации модели гипертрофированного субъекта, репрезентирующего принцип субъективной формы управления посредством объективных процессов. Контекст судьбы, таким образом, космизирует, разграничивает и обобщает происходящие объективно процессы, становясь причиной и первопринципом установленного вселенского порядка.

П.П. Гайденок, рассматривая принцип структурирования категории бытия в античной философии, обращает внимание на то, что бытие – понятие, посредством которого субъект устанавливает метафизический барьер между пониманием как таковым и существующей

объективно реальностью. Так бытие представляется в форме шара, который «ограничен пределом; бытие – это не беспредельное, а определенное, определенное же имеет границу» [4, с. 116]. Таким образом, уже в первых философских представлениях, которые положили основание развитию философии, присутствуют творческие представления, вне которых не могла сформироваться теория бытия.

Смешение представлений о сущности судьбы и категории бытия нецелесообразно по функциональному различию. Между сущностью судьбы и категорией бытия можно определить своего рода иерархическое взаимодействие, при котором универсалия судьбы может становиться тождественным категории бытия или даже более широким понятием. Примером тому может служить процесс рефлексии на категорию бытия как интерпретацию судьбы, посредством чего выводится понятие «судьба бытия».

Постулирование судьбы бытия рассмотрено Ю. Мамлеевым, который определяет доминирующую роль судьбы в абстрагировании бытия в силу различия тенденций понимания бытия восточной и западной традициями. В то же время сущность судьбы многогранна, но однозначна. «И сразу мне бы хотелось яснее выразить то, что коренным образом отличает восточное мышление от западного. Здесь можно перечислить много моментов. Один из них – подход, связанный с метафизическим знанием. На западе все-таки преобладала вера, а не знание, хотя были определенные исключения. Но более кардинальным отличием является то, что в индуистской метафизике не существует непреодолимой пропасти между творцом и творением, ибо она основана на концепции не-дуализма. Напротив, в западном сознании наличествует фатальный разрыв между творцом и творением, между Богом и человеком» [5, с. 79].

На основании изложенных положений можно сделать вывод, что в индуизме концепт судьбы выражен в тождестве внутренней силы, присущей как бытию, так и человеку. Посредством данного тождества раскрывается метафизический пласт бытия, доступный осознанию человека. В отличие от западной парадигмы здесь доминирует безличностное созерцание мирового порядка и понимание его как судьбы бытия. Европейской традиции присуще не столько наличие причин персонифика-

ции бытия посредством постулирования судьбы, сколько их отсутствие в понимании принципа объективированной сущности мировос-

приятия, что с необходимостью склоняет его к мистификации и персонификации объективной реальности.

07.12.2010 г.

Список использованной литературы:

1. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр. М.: Республика, 2000. 639 с.
2. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с фр. СПб.: «Ювента»; «Наука». 1987. 605 с.
3. Любутин К.Н., Пивоваров Д.В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. 416 с.
4. Гайдено П.П. Бытие и разум // Вопросы философии. 1997. №7. С. 114-141.
5. Судьба бытия – путь к философии. Интервью с Ю.В. Мамлеевым // Вопросы философии. 1992. №9. С. 75-85.

Сведения об авторе: **Черкозянова Татьяна Владимировна**, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Оренбургской государственной медицинской академии, кандидат философских наук, тел. (3532) 776560, 89878528369, e-mail: philosopher_orgma@mail.ru

UDC 124.6

Cherkoziyanova T.V.

CHARACTERISTICS OF PERSONOLOGICAL UNDERSTANDING OF FATE

In this article the author shows that in the experience of phenomenological reduction the abstracting of existence is possible only in the context of personal visualization of subjective world by the subject. From the point of view of things world the existence abstraction acts as a mystifying sphere context or speculative visibility, but fate is concrete and real in the same degree in which world of phenomena is concrete. This principal becomes the base of a fate personification.

Key words: fate, world of subjects, ideal, consciousness, reality, standard, meaning, personification.